

Александар Талески (Пермь, Россия)

Социальный дейксис личных местоимений в македонском языке

Аннотация: Цель данной статьи состоит в попытке показать социальные дейктические черты личных местоимений в македонском языке, а точнее, насколько социальный дейксис представлен личными местоимениями. В статье анализируется трактовка понятия «социальный дейксис» в лингвистике, рассматриваются причины появления социального дейксиса и влияния социальных факторов на выбор тех или иных личных местоимений, особое внимание уделяется сфере их использования.

Кроме того, рассматриваются способы реализации социального дейксиса в речевом акте и прагматические особенности использования личных местоимений в конкретной ситуации.

Ключевые слова: дейксис, социальный дейксис, личные местоимения, македонский язык, прагматика

Aleksandar Taleski (Perm, Russia)

Social Deixis of Personal Pronouns in the Macedonian Language

Abstract: This article is an attempt to demonstrate the social deictic features of personal pronouns in the Macedonian language, i.e. as far as social deixis is manifested by personal pronouns. Thus, the concept of “social deixis” in linguistics is treated, the reasons for the emergence of social deixis and the influence of social factors in the selection of certain personal pronouns are regarded, and special attention to the scope of their use is paid. Besides this the article comprises the way, we will depict how the social deixis is regulated in the speech act, as well the pragmatic features of using personal pronouns in a specific situation.

Key words: deixis, social deixis, personal pronouns, Macedonian language, pragmatics

Понятие «дейксис», известное с античных времен, происходит от древнегреческого глагола «указывать» и представляет собой указание как значение или функцию языковой единицы, выражаемые лексическими или грамматическими средствами [Виноградов 1990: 128]. Е.М. Вольф подчеркивает, что дейксис включает указание на компоненты речевого акта – на участников речевого акта, на предмет речи, на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта, а вме-

сте с тем указание на все то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи [Вольф 1974: 6].

Несмотря на то что процесс изучения дейксиса длится долго, причем в его изучении сочетаются как традиционные идеи, так и новые концепции, дейксис представляет собой одно из многих языковых явлений, которые до сих пор остаются частично неразрешенными.

К числу нерешенных проблем относится вопрос о том, что включает в себя дейксис, каким образом он выражается, какие типы дейксиса существуют и т. п. В основном различаются три основных типа дейксиса: персональный (личный), пространственный и временной. А.А. Кибрик подчеркивает, что центральные языковые единицы этих трех типов дейксиса представляют местоимения 1 и 2 лица – Я и ТЫ, а вместе с тем локативные и временные выражения – ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Они репрезентируют эгоцентрический дейктический центр, на который ориентируются участники коммуникативного акта [Кибрик: эл. ресурс].

Надо отметить, что сейчас лингвистическое представление о дейксисе расширено. Кроме местоимений, лингвисты относят к дейксису разные дейктические средства других частей речи, а вместе с тем ряд таких категорий, явлений и элементов, как категория вежливости, коммуникативная деятельность, невербальные элементы коммуникативного акта и т. п. Е.В. Падучева считает, что в языке мы встречаемся со многими дейктическими элементами, т. е. со словами и грамматическими категориями, которые отсылают к разным речевым ситуациям, к тем или иным компонентам или параметрам [Падучева 1996: 245, 259].

Лингвисты в зависимости от функций и параметров расширяют диапазон типов дейксиса. Так, на основе режимов интерпретации текста Е.В. Падучева, опираясь на теории К. Бюлера и Ю.Д. Апресяна, дает понятия первичного и вторичного дейксиса, причем первичный дейксис ориентирован на говорящего, а вторичный ориентирован на наблюдателя [Падучева 2011: 268]. П. Гриффитс к базисным типам дейксиса добавляет еще дискурсивный, категорию, которая указывает на части самого дискурса [Griffiths 2006]. Н.В. Боронникова, ссылаясь на А.А. Кибрика, Ч. Филлмора и др., кроме основных типов дейксиса, различает производные: вторичный (дейксис к воображаемому), анафорический, текстовый, а вместе с тем в качестве подтипов дейксиса выделяет социальный и эмоциональный дейксис, причем отмечает, что последние два вида находятся в прямой зависимости от прагматики [Боронникова 2014: 337–338]. С. Левинсон указывает, что существуют пять типов дейксиса: пространственный, временной, личный, социальный и дискурсивный. Первые три встречаются чаще, чем два последних [Levinson 1995: 39]. А. Крус соглашается с мнением С. Левинсона и выделяет три основных подтипа дейксиса: пространственный, временной и личный и два второстепенных подтипа: социальный и дискурсивный дейксис. Социальный дейксис, который рассматривается в этой работе, А. Крус описывает как выражение, функция которого заключается в указании на положение референта на шкале социального статуса и близость относительно говорящего [Cruise 2006: 45].

Ч. Филлмор и С. Левинсон указывают, что социальный дейксис имеет отношение к тем моментам в речи, которые предопределены какими-либо реалиями социальной ситуации, в которой совершается речевой акт. По их словам, социальный дейксис включает кодировку социальных различий, относящихся к ролям участника, особенно это касается аспектов социальных отношений между говорящим и адресатом(ами) или докладчиком и некоторыми референтами [Fillmore 1975, 1977; Levinson 1983].

Надо отметить, что некоторые ученые не признают дейктическую зафиксированность социальных норм речевого акта. А.А. Кибрик подчеркивает, что понятие «социальный дейксис» непосредственно не связано с дейксисом как таковым, а, вероятно, связано только с тем фактом, что категория вежливости часто маркируется дейктическими элементами, в особенности личными местоимениями. По его словам, термин «*социальный дейксис*» иногда используется в исследованиях категории вежливости в разных языках, причем в качестве примера он приводит ситуацию выбора между местоимениями 2 лица ед. и мн. числа ТЫ и ВЫ в русском языке. Этот выбор ограничен социальным статусом говорящего и адресата [Кибрик: эл. ресурс].

С другой стороны, как мы уже отмечали, большинство специалистов согласны с тем, что социальный дейксис, как дейксис текста или дискурса, сам по себе представляет компонент, дополняющий традиционное трио дейксиса. Это связано с тем, что отношения участников коммуникативного акта регулируются в речи, обозначая степени социальной разницы, социальные связи и характер общения [Levinson 1983; Rauch 1983; Leech 1983; Holmes 1992].

В понятие «социальный дейксис» Ч. Филмор включает такие лингвистические средства и явления, как способы обозначения личности; специфику высказываний различных типов, которые зависят от определенных свойств участников речевого акта; различные способы изменения имен, названий и терминов родства в соответствии с отношениями между говорящим, адресатом, аудиторией и упомянутым лицом; лингвистические характеристики, проявляющиеся в виде ряда социальных актов, таких как оскорбления, приветствия, выражения благодарности; лингвистические характеристики, которые могут сопровождать социальные акты, и наконец различные лингвистические устройства, которые помогают говорящему устанавливать и поддерживать дейктические связи с данным адресатом [Fillmore 1971: 76].

М.Л. Макаров, ссылаясь на некоторых ученых, подчеркивает, что под термином «социальный дейксис» подразумеваются грамматикализованные (до морфологического уровня) системы вежливости «*honorifics*» (русс. *гоноратив*). Система вежливости «гоноратив» является грамматической, или морфосинтактической, формой, которая кодирует относительный социальный статус участников разговора, т. е. это тип социального дейксиса, поскольку понимание контекста в этом случае – социальный статус докладчика по отношению к другим участникам или свидетелям – имеет решающее значение для его использования [Макаров 2003: 136]. Ученые утверждают, что существуют три основных вида гоноратива, которые классифицируются в соответствии с индивидуумом, статус которого выражается: адресат (или говорящий / слушатель); референт (или говорящий / референт); наблюдатель (или говорящий / наблюдатель) [Comrie 1976; Levinson 1983; Crystal 2008].

С. Левинсон предложил ограничить термин «гоноратив» в ситуациях, когда отношения между говорящим, адресатом и наблюдателем выражают относительный ранг или уважение, явление которого хорошо иллюстрируется в японском языке, отличающемся развитой категорией вежливости [Levinson 1983].

М.Л. Макаров добавляет, что другими причинами для появления социального дейксиса могут стать корреляции степени социальной разницы с отношениями солидарности, власти и подчинения, вызванные межличностным и эмоциональным влиянием, институциональной иерархией, разницей в образовании и в возрасте и т. п. Такие явления, по словам М.Л. Макарова, в первую очередь характерны для

языков Юго-Восточной Азии [Макаров 2003: 135–136]. Надо сказать, что встречаем их и в европейских языках (например, двойная форма личного местоимения второго лица мн. ч. в испанском, французском и румынском языках и т. д.), в том числе стараемся показать их существование и в македонском языке [Stapleton: эл. ресурс].

Относительно македонского языка можно подчеркнуть, что социальный дейксис, несомненно, выражен личными местоимениями. Таким образом, использование тех или иных форм личного местоимения иногда обусловлено социальными факторами и социальной дифференциацией участников коммуникативного акта в различных речевых ситуациях. Все это рассмотрим на примерах.

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ ПЕРВОГО ЛИЦА ЈАС И НИЕ

В дополнение к основным функциям и значениям личных местоимений в македонском языке также развиваются вторичные значения; причиной их появления и употребления в речевом акте является социальный фактор.

Что касается 1 лица ед. ч. личного местоимения ЈАС, следует отметить, что оно представляет центр дейктического поля. А.В. Бондарко подчеркивает, что отношение к лицу прежде всего определяется с точки зрения говорящего, который выступает в качестве центральной фигуры речевого акта [Бондарко 1991; 2002]. Личное местоимение ЈАС (я) в македонском языке не развило дополнительные дейктические функции, которые позволили бы относить его к социальному дуйксису.

В отличие от местоимения ЈАС, употребления его пары со значением множественности НИЕ (мы) иногда обусловлено социальным фактором. Одной из таких ситуаций, когда мы можем говорить о социальном дейксисе личного местоимения НИЕ, является его употребление в покровительственных отношениях между членами семьи. Надо отметить, что семья определяется как одна из первых и основных исторических форм социальной общности людей, имеющая определенную форму отношений между ее членами и другими родственниками, можно говорить о семье в качестве социального явления [Антонов 1996: 28, 31, 32, 36].

ПРИМЕР 1

а) Ние не сакаме да учиме; повеќе сакаме да шетаме или да гледаме телевизија. 'Мы не хотим заниматься; больше хотим гулять или смотреть телевидение' (Л. Минова-Гуркова);

б) Нам веќе ни пораснаа запчиња. 'У нас уже выросли зубки' (интернет-ресурс)¹.

Как видно из примеров (Пример 1: а, б), речь идет об отношениях родителей с детьми. Местоимения НИЕ, НАМ заменяют личные местоимения 3 лица ед. ч. ТОЈ (он) или ТАА (она). В данных предложениях местоимения НИЕ, НАМ указывают на ребенка и включают его в личную сферу говорящего, в этой ситуации – родителя. Итак, можно подчеркнуть, что употребление местоимения НИЕ в таких условиях зависит от социального фактора и указывает на социальные отношения между говорящим и (не)участником коммуникативного акта.

Следует отметить еще одну ситуацию, где используется местоимение НИЕ в покровительственном значении.

ПРИМЕР 2

Како сме ние денес? 'Как у нас дела сегодня?' (Из лекции К. Илиевской).

¹ roditeliideca.com.mk/index.php/forum/zdravje-na-bebinja-i-deca/8466-zabi?q=/index.php/forum&limit=15&start=30

Известно, что употребление личного местоимения НИЕ в таком значении характерно для сферы здравоохранения и услуг, т. е. для социальной сферы, зависимой от статуса участников речевого акта и преднамеренности говорящего. Здесь местоимение НИЕ заменяет личное местоимение 2 лица ед. ч. ТИ (ты) или мн. ч. ВНЕ (вы), указывая на адресата, причем, по словам Т.В. Булыгиной, выражает идею солидарности. Эта ситуация направлена для включения говорящего в сферу адресата с установлением контакта, осуществлением эмпатии и политики позитивной subtilности [Булыгина 1992: 206]. Надо отметить, что в таких предложениях часто опускается личное местоимение, причем функция социального дейксиса выражается с помощью формы лица глагола.

ПРИМЕР 3

Како се чувствуваме? ‘Как мы себя чувствуем?’ (Л. Андреев).

ПРИМЕР 4

(Ние) утре ќе правиме тест. ‘Завтра мы пишем контрольную’ (интернет-ресурс)¹.

В **Примере 4** встречаемся с социальным указанием, зависящим от местонахождения участников коммуникативного акта на шкале социального статуса. В качестве говорящего в **Примере 4** выступает преподаватель, который сообщает информацию студентами. В данном случае личное местоимение НИЕ заменяет местоимение ВНЕ (вы). Здесь не идет речь о зафиксированной социальной норме речевого акта, напротив, говорящий намекает адресату на желательность выполнения этой работы соответствующим образом, а местоимение НИЕ смягчает директиву. Итак, при использовании личного местоимения НИЕ мы можем столкнуться с ситуациями, где любой говорящий, который занимает позицию руководящего, указывает на определенный способ совершения действия, причем собеседник, являющийся подчиненным по отношению к нему, должен поступить так же. Следует признать, что как в **Примере 4**, так и в **Примере 1** говорящий не участвует в совершении действия.

Можно говорить о социальном дейксисе и тогда, когда речь идет о редакторском, авторском или научном использовании личного местоимения НИЕ. Причину такого употребления, обусловленного также социальным положением говорящего, находим в нужности формирования у адресата позиции, сходящейся с мнением субъекта речи, в существовании основных совместных знаний у субъектов речевого акта, а также в ситуациях выражения скромности. Рассмотрим на примере.

ПРИМЕР 5

Како што ние веќе рековме... ‘Как мы уже говорили...’ (Васил Ивановски: интернет-ресурс)².

II. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА ВТОРОГО ЛИЦА ТИ И ВНЕ

О. Красноухова, ссылаясь на В. Фоли, указывает, что наиболее известным примером социального дейксиса является феномен ТЫ / ВЫ (Т / V), почти универсальный в европейских языках [Krasnoukhova 2007: 4].

Личное местоимение 2 лица ед. ч. ТИ в плане развития социальной функции идентично местоимению ЈАС, оно выполняет социально-регулятивный характер

¹ www.motika.com.mk/test-po-matematika-vic/

² www.mn.mk/aktuelno/2359

в этикетных обращениях на пару с местоимением ВИЕ. Много ученых в качестве основного примера социального дейксиса приводят дифференциальное употребление этих двух личных местоимений в процессе коммуникации:

ПРИМЕР 6

а) Ниту Вие не сте помалку досетлив. 'И вы не менее изобретательны' (В. Цекова, Т. Захов)

б) Вие сте последниот човек кој останал во тој оддел... 'Вы последний человек, который остался в этом отделе' (интернет-ресурс)¹.

в) ...*Како прво, јас не сум «ти»* Игор Илич, туку «**вие**» – не го заборавајте тоа; и не Фома, туку Фома Фомич. 'Во-первых, я тебе не «ты», Игорь Ильич, а «вы» – не забывайте; и не Фома, и Фома Фомич' (Ф.М. Достоевский).

Как видно из примеров, разница при использовании местоимения ТИ и ВИЕ всегда, прежде всего, зависит от социального статуса участников речевого акта, а в некоторых случаях зависит от их возраста и полученного образования. Так, например, Е.В. Резникова подчеркивает, что уважение к собеседнику передается с помощью мн. ч. Так, «естественный» человек часто ко всем обращается на «ты», образованный делает различие между «ты» и «вы», интеллигентный ко всем незнакомцам обращается только на «вы», потому что обращение на «ты» оскорбительно [Резникова 2009: 120].

В. Фоли, ссылаясь на некоторых ученых, описал использование местоимений ТЫ / ВЫ по двум измерениям: власти и солидарности. Установление мощности кодирует власть над другим человеком и способность контролировать или влиять на его поведение. Диапазон солидарности означает степень близости между собеседниками, наличие общих интересов и т. п. [Foley 1997: 314].

Е.В. Резникова указывает, что «в русской лингвокультуре социально значимо различие обращений на “ты” и на “вы”, каждое из которых варьируется в зависимости от условий общения (“ты” детское, “ты” отеческое”, “ты” начальственное, “ты” дружеское и “ты” хамское)» [Резникова 2009: 120]. Мы можем подтвердить, что эта дифференциация присутствует и в македонском языке в той же самой степени.

Надо подчеркнуть, что через соотношение этих двух местоимений более всего выражен «гоноратив», т. е. категория вежливости. Личное местоимение ТИ используется в обращении к близким друзьям и родственникам, а если оно используется при обращении к незнакомому или взрослому человеку, то содержит отрицательную, оскорбительную коннотацию. С другой стороны, когда речь идет о местоимении ВИЕ, первое и наиболее распространенное социальное указание – это вежливое обращение говорящего к собеседнику.

ПРИМЕР 7

И ѝ вела: колку Вие сте мили! И мислам: колку те сакам! 'И говорю ей: как Вы милы! И мыслю: как тебя люблю!' (А.С. Пушкин)².

Еще различие ТИ и вежливого ВИ может рассматриваться как пересечение семантической категории персональности с прагматической категорией вежливости.

Можно упомянуть еще одну ситуацию при употреблении местоимения ВИЕ в разговорном стиле, когда речь идет о семейном или дружеском, в шутку, обра-

¹ friday.mk/7-znaci-deka-kje-bidete-otpushteni/

² rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0461.htm

щении либо к собеседнику, либо к третьему человеку. Прежде всего речь идет о обращении говорящего (взрослого человека) к ребенку в качестве собеседника или третьего лица, которое в данной ситуации всегда сопровождается одним из его родителей:

ПРИМЕР 8

Кого гледам јас!? Леле, колку сте пораснале. Па вие веќе одите во градинка и учите да боите, да броите... ‘Кого я вижу! Ничего себе, как вы выросли. Значит, вы уже ходите в детский сад и учитесь рисовать, считать’ (Из лекции К. Илиевской).

Из контекста понятно, что ВИЕ указывает не на родителя, а на ребенка, который уже начал ходить в детский сад. В этом случае ВИЕ, относящееся к ребенку, заменяет местоимения 2 лица ТИ, но также возможно, что говорящий обращается к родителю ребенка, причем местоимением ВИЕ указывает на 3 лицо ТОЈ, ТАА (ребенок в зависимости от пола). Эта ситуация напоминает использование местоимения НИЕ (Пример 1: а, б), но следует отметить, что здесь мы не сталкиваемся именно с социальным дейксисом. Использование личного местоимения ВИЕ в примере (Пример 8) не зависит от социального статуса, оно обусловлено возрастом собеседника или третьего лица. Вместе с тем данная коммуникативная ситуация содержит семантику насмешки или удивления – вопреки тому, что употребление местоимения 2 лица стало одним из важнейших требований нравственного отношения к личности.

Употребление личного местоимения ВИЕ содержит в себе социальный дейксис тогда, когда мы его встречаем в рекламных текстах.

ПРИМЕР 9

Станете и Вие дел од нашиот успешен тим!.. ‘Вы также можете стать частью нашей успешной команды!..’ (Огласник)¹.

Таким образом, известно, что заказчик рекламы всегда ориентируется на определенную целевую аудиторию, причем главная цель и задача в таких рекламных текстах – успешное создание партнерских отношений между продавцом и покупателем, кроме того, подчеркнутое уважение к клиенту.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ТОЈ, ТАА, ТОА И ТИЕ

Личные местоимения 3 лица в македонском языке являются самыми «ущербными» с точки зрения выражения социального дейксиса. Б. Конески, указывая, что одной из важнейших характеристик местоимений является то, что они выражают свое отношение к речевой ситуации, добавляет, что 1 лицо личного местоимения – это то, кто сообщает, 2 – это то, которому направлено сообщение, а 3 лицо упоминается только в речи, к нему не обращаются напрямую, поэтому оно не должно присутствовать в момент коммуникации [Конески 1999: 331].

Таким образом, следует отметить, что в македонском языке существуют ситуации, когда местоимения ТОЈ, ТАА употребляются в присутствии самого лица, которое называет это местоимение.

¹ www.vrabotuvanje.com.mk/job-advert/bidete-del-od-nashiot-menadzherski-tim/57515

ПРИМЕР 10

Тој знае како треба да го пополни формуларот? – Се разбира, постојано го надгледувам. ‘Он знае, как пополнить анкету?’ – Конечно, я постоянно его контролирую’.

В данном примере (**Пример 10**) можно сомневаться в существовании социальных причин для использования личного местоимения 3 лица. Таким образом, не исключено, что говорящий хочет дистанцироваться от третьего лица из-за его социального статуса, причем не обращается прямо к нему. Это можно встретить в ситуациях, где руководящий требует от подчиненного информацию, касающуюся третьего лица, которое присутствует во время диалога, но не участвует в нем. Известно, что местоимение 3 лица призвано указывать на того, кто не участвует в диалоге. Однако такое название, присутствующее при разговоре, как бы выводится за рамки общения. Таким образом, третье лицо удаляется за пределы видимости, хотя оно находится рядом.

Е.В. Резникова подчеркивает, что существуют некоторые ситуации при использовании местоимения 3 лица вместо местоимения 2 лица, которые появились в результате тенденции говорящего из скромности подчеркнуть расстояние, отделяющее его (говорящего) от собеседника. В таких случаях социальный фактор не играет большой роли [Резникова 2009: 123].

В разговорах с детьми часто используется местоимение 3 лица вместо формы личного местоимения 2 лица.

ПРИМЕР 11

Што ќе прави Иван? Тој сега ќе јаде? ‘Что будет делать Иван? Он будет есть сейчас?’ (Из лекции К. Илиевской).

Здесь использование личного местоимения ТОЈ вместо ТИ зависит от желания говорящего предложить адресату стать субъектом оценки своих действий и состояний. Надо отметить, что данная ситуация прежде всего встречается в семье, и этот факт относит личное местоимение ТОЈ к социальному дейксису. Но нужно сказать, что, кроме социального фактора (Семья), при использовании местоимения ТОЈ в этом примере важную роль играет и возраст адресата – обстоятельство, которое выбивается из социальной сферы языка.

Итак, можно подчеркнуть, что социальный дейксис часто встречается при употреблении личных местоимений в македонском языке. Прежде всего социальный признак дейксиса личных местоимений выражается при их использовании в семье, которая определяется как одна из основных исторических форм социальной общности людей. В македонском языке это манифестируется через семейные отношения между родителями и детьми (см. **Пример 1**: а, б; **Пример 11**). Как мы уже отметили, существуют похожие ситуации (**Пример 8**), когда применение личных местоимений в речи зависит не только от социального, но и от других факторов (например, возраст и пр.).

Личные местоимения, кроме как в семье, выражают социальный дейксис и тогда, когда используются в других общественных областях. Так, например, мы встретились с их использованием в сфере здравоохранения (**Пример 3**), образования (**Пример 4**) и в других социальных институтах (**Пример 6**: б; **Пример 10**).

Надо отметить, что социальный дейксис в данных ситуациях больше всего выражается с помощью личных местоимениях 1 и 2 лица мн. ч. НИЕ и ВИЕ. Место-

имения 3 лица ед. ч. используются при выражении социального дейксиса только в одной ситуации – когда говорящий хочет дистанцироваться от 3 лица из-за его социального статуса, причем не обращается прямо к нему (**Пример 10**). Можно сказать, что местоимения 1 лица ед. ч. ЈАС и 3 лица мн. ч. ТИЕ бедны в выражении социального дейксиса в македонском языке. С другой стороны, местоимение 2 лица ед. ч. ТИ содержит в себе социальное указание только в ситуациях взаимодействия с его множественным эквивалентом. Дифференциальное употребление этих двух личных местоимений в процессе коммуникации встречаем тогда, когда речь идет о системе вежливости, «гоноративе» – явлении, которое встречается и в македонском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 644–645.

Антонов А.И. Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с. (Studia Philologica)

Боронникова Н.В. Эмоционально-оценочная семантика дейктиков в македонском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 337–340.

Булыгина Т.В. Модальность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 280 с.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; ВГПУ, 1992. 370 с.

Кибрик А.А. Дейксис. www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 14.02.2018).

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 624 с.

Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Детска радост, 1999. 551 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Минова-Ѓуркова Л. Стилистика на современниот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003. 350 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.

Резникова Е.В. Личные местоимения и этикет // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27. С. 119–125.

Ускова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 376 с.

Comrie B. Linguistic Politeness Axes: Speaker-addressee, Speaker-referent, Speaker-by-stander // Pragmatics Microfiche 1.7: A3-B1. Oxford: Oxford Microform. 1976.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Blackwell Publishing Ltd. 2008. 560 p.

Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 205 p.

Fillmore C.J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington, 1971. 87 p.

Foley W. Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Basil Blackwell. 1997. 495 p.

Griffiths P. An Introduction to English Semantics and Pragmatics Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 193 p.

Krasnoukhova O. Social Deixis and Classifiers. Published MA's Thesis. Radboud University Nijmegen, 2007. 60 p.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983. 250 p.

Levinson S.C. Pragmatics. Cambridge, England: Cambridge University. 1983. 438 p.

Levinson S.C. Cognitive Anthropology // Handbook of Pragmatic. 1995. P. 100–105.

Hornblower S. The Oxford Classical Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1792 p.

Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London; New York, 1992. 412 p.

Stapleton A. Deixis in Modern Linguistics. www.scribd.com/document/370736246/vol-9-no-12

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Цекова В., Захов Т. Херсилија. Lulu, 2012. 74 с.

Достоевски Ф.М. Селото Степанчиново. Скопје: Табернакул, 1993. 434 с.

Минова-Ѓуркова Л. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003. 350 с.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Deixis in Vocabulary and Grammar, and the Naive Model of the World. In: Apresyan Yu.D. Integral Description of Language and Systematic Lexicography. Selected Works. Vol. II. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 1995, pp. 644–645.

Antonov A.I. Medkov V.M. (1996) Sociology of the Family. Moscow. Moscow University Press. 304 p.

Bondarko A.V. (2002) Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: As Applied to the Russian Language / RAS. Institute of Linguistic Research. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 736 p. (Studia Philologica)

Boronnikova N.V. Emotional-estimated Semantics of Deictics in the Macedonian Language. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. 2014. No 2, pp. 337–340.

Bulygina T.V. Modality. In: Human Factor in the Language: Communication, Modality, Deixis. Moscow. NaukaPubl. 1992. 280 p.

Wolf E.M. (1974) Grammar and Semantics of Pronouns. Moscow. Nauka Publ. 224 p.

Karasik V.I. (1992) The Language of Social Status. Moscow. 370 p.

Kibrik A.A. Deixis. [E-resource]. www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (date of circulation: 14.02.2018).

Kolesov V.V. (2004) Language and Mentality. St.-Petersburg. Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 624 p.

Koneski B. (1999) Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje. Detska radost Publ. 551 p.

- Makarov M.L. (2003) *Fundamentals of the Theory of Discourse*. Moscow. Gnozis Publ. 280 p.
- Minova-Gurkova L. (2003) *Stylistics of the Contemporary Macedonian Language*. Skopje. Magor Publ. 350 p.
- Paducheva E.V. (1996) *Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of Narrative*. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 464 p.
- Paducheva E.V. V.V. Vinogradov and Study of the Artistic Prose Language. *Izvestiya RAS. Seriya Literatury i Yazyka*. 1995. Vol. 54. No 3, pp. 39–48.
- Reznikova E.V. Personal Pronouns and Etiquette. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2009. No 27, pp. 119–125.
- Comrie B. Linguistic Politeness Axes: Speaker-addressee, Speaker-referent, Speaker-by-stander. In: *Pragmatics Microfiche 1.7: A3-B1*. Oxford: Oxford Microform. 1976.
- Crystal D. (2008) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 6th ed. Blackwell Publishing Ltd. 560 p.
- Cruse A. (2006) *A Glossary of Semantics and Pragmatics*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 205 p.
- Fillmore C.J. (1971) *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington. 87 p.
- Foley W. (1997) *Anthropological Linguistics: An Introduction*. Oxford. Basil Blackwell Publ. 495 p.
- Griffiths P. (2006) *An Introduction to English Semantics and Pragmatics*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 193 p.
- Krasnoukhova O. (2007) *Social Deixis and Classifiers*. Published MA's Thesis. Radboud University Nijmegen. 60 p.
- Leech G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London. 250 p.
- Levinson S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge, England. Cambridge University Press. 438 p.
- Levinson S.C. Cognitive Anthropology. In: *Handbook of Pragmatics*, 10,12. 1995, pp. 100–105.
- Hornblower S. (2012) *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford. Oxford University Press. 1792 p.
- Holmes J. (1992) *An Introduction to Sociolinguistics*. London; New York. 412 p.
- Stapleton A. Deixis in Modern Linguistics. www.scribd.com/document/370736246/vol-9-no-12

LIST OF SOURCES

- Dzekova V., Zakhov T. (2012) *Hersiliya*. Lulu. 74 p.
- Dostoevsky F.M. (1993) *The Village of Stepanchikovo*. Skopje. Tabernakul Publ. 434 p.
- Minova-Gurkova L. (2003) *Stylistics of the Contemporary Macedonian Language*. Skopje. Magor Publ. 350 p.

Сведения об авторе:

Александар Талески,	Aleksandar Taleski,
м-р филологических наук	Master of Philology
ассистент	Assistant
филологический факультет	Faculty of Philology
Пермский государственный национальный исследовательский университет	Perm State University

taleski87@yahoo.com